

Аркадий Галинский: воспоминания о Викторе Некрасове

Моск. правда -
1996 - 21 авг. - с. 6

Аркадий Романович Галинский (1922 - 1996) дебютировал в журналистике статьей «Лев Толстой и спорт». Привлек внимание фельетоном про заведующего книжным коллектором, который думал, что Мериме - имя и фамилия дамы: Мери Ме. Работал в «Литературной газете». Был собкором «Советского спорта» в Киеве. На ЦТ комментировал футбол, гимнастику. Смело выступал против мошенничества в спорте. Огромное чувство независимости, восходящее к самоощущению мальчика в солдатской шинели, что окончил войну гвардии капитаном у стен рейхстага, горячая поддержка опальных спортсменов в конце концов вызвали гнев отдела пропаганды ЦК КПСС: в 1972 году Галинский пропал с экранов, с газетных полос - семнадцать лет ему не давали печататься, окрестив «солженицыным советского спорта».

Некрасов и Киев

По Российскому телевидению показывали коротенький сюжетчик о том, как в Еврейском культурном центре отмечали столетие со дня рождения Михоэlsa. В небольшой зал не смогли попасть все желающие. Но в антракте репортер спросил вначале у одного еврейского мальчика лет десяти, пришедшего на вечер с родителями, потом у другого, постарше, лет двенадцати-тринадцати, знают ли они, кто такой Михоэls. И оба сказали, что не знают.

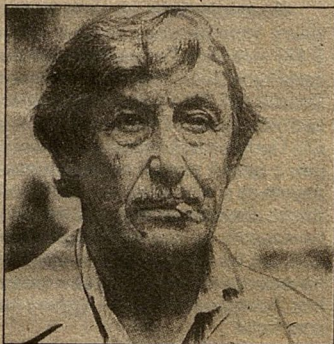
Я не сомневаюсь, что в 2011 году, когда будут отмечать - тут я задумываюсь, а будут ли? - столетие со дня рождения Виктора Некрасова, русские дети, которых по необходимости приведут с собой на этот вечер родители, также не будут знать, кто это Виктор Некрасов.

Но сегодня он, как все знаменитые люди с необычными судьбами, еще окружен множеством мифов. Ну, например, считается, что он был влюблен в Киев, что он жить без Киева не мог и т.п. До поры до времени это в какой-то степени соответствовало действительности, хотя с той самой поры, как он стал известным писателем и у него появилось то, что называют свободными деньгами, Виктор Платонович при каждой возможности улепетывал в Москву, где приятелей у него было во сто крат больше, чем в Киеве. Он мог, конечно, будучи лауреатом Сталинской премии, запросто перебраться в Москву, и я, всегда стремившийся из Киева, самого косного из «культурных центров» Союза, уехать в Москву, спрашивал у Некрасова, почему он этого не делает. Он, со свойственной ему подчас обезоруживающей собеседника прямоотой, отвечал: «Потому что тут я первый парень на деревне». Действительно, большей, чем он, всесоюзной знаменитости в Киеве не было - ни тогда, ни теперь, когда уже и самого Союза нет.

Дело в том, что Некрасов и дня не мог прожить без ощущения своей известности, без постоянного узнавания его, куда бы он в Киеве ни направился, и даже в том - «я скрываюсь, а меня все равно узнают!» - была для него какая-то очень нужная и важная игра.

Ав многомиллионной запруженной людьми Москве он неделями мог ходить по центральным улицам, и его никто не узнавал, - как не узнавали Твардовского, Казакевича или Эренбурга.

В Киеве же: «Виктор Платонович, здравствуйте!», «Вика, привет!», «Старик, кого я вижу!», «Отец родной, по стаканчику, а?» И он всем улыбался, и говорил приятные вещи, и надписывал книги, и восседал в центре любого пиришества, а идя в гости, брал с собой и в самом деле замечательную маму, Зинаиду Николаевну.

Но едва Некрасов стал даже еще не диссидентом, а только «полудиссидентом», как его перестали узнавать на улицах, приглашать в гости, перестали приходить к нему. Кроме трех-четырех человек, в основном старых женщин, да еще закрепленных за ним (и не прятавшихся даже) двух-трех стукачей, постоянного общения у Некрасова в Киеве больше ни с кем уже не было.

В 1972 году мы с женой приехали из Москвы, позвонили Некрасову и пришли к нему. Буквально через пять минут прибежали непрошенные (и он их впустил!) радиожурналист с супругой. Этого человека Виктор Платонович считал приставленным к нему стукачом. И поэтому весь вечер демонстративно отзывался о властях и всем прочем официальным советским голосом гораздо резче, чем делал это обычно в разговорах, не контролировавшихся тайной полицией.

Словом, в Киеве Некрасову было в начале 70-х годов плохо, тошно. И он рад был бы уже перебраться в Москву, да только теперь это стало совершенно невозможным. Союзу писателей в Москве он был не нужен, тут своих диссидентов хватало, а в Киеве Некрасов находился у КГБ под колпаком.

Но как только появлялись кое-какие деньжата, в Москву он все-таки вырывался. Жил у кинодраматурга Семена Лунгина, иногда приходил переночевать к нам.

Сейчас в Киеве публикуются одно за другим воспоминания о Викторе Некрасове тех лиц, которые в пору его диссидентства, завидев его на Крещатике, ныряли в первую подворотню, чтобы только с ним не поздороваться. Впрочем, надо признать, что Киев тогда был город свирепый, там КГБ шуток с независимыми людьми не шутило!

Любил ли Виктор Платонович родной город? Я думаю, что его отношение к нему было в последний период примерно таким же, как в свое время у другого киевлянина - Михаила Афанасьевича Булгакова. Булгаков восхвалялся царственной красотой Киева, но, говоря в очерке «Киев-город» о науке, литературе и искусстве здесь, сформулировал кратко: «Нет».

Зато поэты посвящали ему свои стихи. Он дружил с Симоновым, Луконинным, Межировым. С Юрием Трифоновым. Больше всего любил Семена Гудзенко, с которым вырос в одном дворе. С Виктором Некрасовым Галинский был близок много лет, ценил за беспощадное изображение войны, за «окопную правду». Их судьба схожа: Некрасов в 1969 - 1973 гг. подвергся яростным нападкам. И несхожа: с 1974 года, получив разрешение уехать за границу, Некрасов поселился в Париже, семь лет был заместителем редактора диссидентского «Континента». Галинский остался на родине...

«Воспоминания о Викторе Некрасове» печатаются впервые; первые две новеллы - с любезного разрешения журнала «Будь здоров!», который опубликует их в сентябре.

Владимир ПРИХОДЬКО.

Некрасов и Париж

В киевской квартире Некрасова, над его тахтой висела большая многоцветная карта Парижа, причем на ней изображен был каждый дом и сквер, каждый памятник или фонтан. А рядом с тахтой, впритык к окну стоял письменный стол, за которым Некрасов работал. Так что стоило ему поднять глаза - и он уже мысленно бродил по парижским бульварам, улицам, площадям, набережным, паркам. Город этот, а Некрасов, как известно, жил в Париже до революции ребенком, он обожал, и чувство это усилилось многократно, когда он побывал в нем вторично, человеком немолодым, ему было тогда уже за пятьдесят.

Возможно, я неправ, но ощущение у меня такое, что из всех русских литераторов, которые эмигрировали на Запад в советские годы, Некрасов единственный воспринял эмиграцию не как потерю чего-то необыкновенно дорогого и важного, а напротив - как счастливое приобретение этого дорогого и важного. Словом, не как беду, а как благо. Повторяю: вполне возможно, я не прав, однако же некоторые основания для сказанного ранее у меня, я думаю, есть. И даже основания документальные.

Вот полученное мною от Некрасова из Бирмингема в 1975 году письмо.

«Осесьте решили в Париже. Стоит, блядь, мессы! (Название одной из моих будущих книг). Квартиры пока нет, живем у друзей (хороших!), книги и вещи еще не распечатаны. Вот вернемся отсюда (а я еще на недельку-полторы в Канаду, а?) и займемся этим делом вплотную. Так и говорите всем, кто будет спрашивать, чем Вика занимается во Франции: «Ищет в Париже квартиру...» Разве можно придумать занятие заманчивее?».

Некрасов и Хемингуэй

Увлечение Хемингуэем стало у нас среди образованных людей в середине пятидесятых годов просто-таки повальным; к кому ни придишь - на стене фото «папы Хема» в свитере и с седеющей шкиперской бородкой. Но еще до войны он был кумир определенной части гуманитарной молодежи, студентов литфаков, учащихся театральных студий. Виктор Некрасов знал едва ли не наизусть все, что было уже в ту пору хемингуэевского у нас переведено. О том, чем Некрасов обязан Хемингуэю, свидетельствует надпись на первом издании «В окопах Сталинграда», которое он подарил мне. Вот она: «Адики! Читай и учись, как надо писать хемингуэину! Вика!».

Публикация
Ирины ГАЛИНСКОЙ.

51